

Безответственно.

Даже о студентах не заботится.

Если Чжао Минь и вправду придёт, станет ли он плакать у него на груди? Нет. У Чжао Миня мания чистоты, он наверняка не любит подпускать людей слишком близко.

Цзян И волочил ноги по дороге домой. Возвращаться в комнату он не стал, а лениво прислонился к рождественской ёлке во дворе. На ветках висело несколько подарочных коробок, но у него не было сил даже на то, чтобы их распаковать.

Чжао Минь стоял в прихожей, откуда изнутри тянуло теплом, и мягко спросил:

— Почему не заходишь?

Цзян И, погруженный в мрачные мысли, отвернулся, и его щека коснулась холодных, жестких ветвей рождественской ёлки. Глухим голосом он спросил:

— Где мой рождественский подарок?

Чжао Минь явно замер.

— Даже у кролика есть подарок. — Цзян И сжал край собственной одежды, охваченный безымянной злостью и обидой, и выкрикнул его имя, назвав и фамилию, и личное имя: — Чжао Минь.

Он знал, что Чжао Минь купил лакомства и новую одежду для того пушистого кролика.

Выходило, что в глазах Чжао Миня он был хуже какого-то кролика.

Цзян И оттолкнул загородившего ему проход Чжао Миня, опустил голову и не произнес ни слова. Ему было лень даже зажигать гирлянду на рождественской ёлке — он сразу направился в спальню и зарылся в одеяло, оставив снаружи лишь силуэт человека, обнимающего подушку-морковку.

Прошло много времени.

Щелк, загорелся свет.

— Уйди. — из-под одеяла донесся приглушенный голос.

— Что случилось? — Чжао Минь, казалось, заметил странности в его поведении.

Чжао Минь подумал, что тот, возможно, поссорился со своей девушкой. Он слышал от Цзян И, что тот купил заколку для Тан Жуйжуй, но Тан Жуйжуй заявила, что у неё уже есть точно такая же, и просто швырнула подарок в мусорное ведро.

Он и сам не понимал, зачем зашел сюда, поддавшись какому-то странному порыву. Он положил на стол маленькую коробочку.

В комнате повисло молчание. Наконец он всё же тихо произнес:

— С Рождеством.

Цзян И вздрогнул, руки, обнимавшие подушку-морковку, немного ослабли, и он спросил:

— А где подарок?

— На столе. — голос Чжао Миня был очень тихим. — Я пошел.

Подарок? У него тоже есть подарок? Это просто отписка или же... Цзян И резко поднял голову и приказал:

— Принеси сюда.

Шаги Чжао Миня замерли на месте. Глядя на затуманенные влагой, но такие яркие глаза Цзян И, он всё же повернулся и взял ту подарочную коробку.

Модели, которые Цзян Ибрежно выбрасывал, стоили целое состояние, а эта скромная упаковка в его руках выглядела донельзя просто — пожалуй, стоило бы еще повязать сверху бантик.

Протянув подарок Цзян И, он машинально отвел взгляд:

— Я пойду.

— Не смей. — Цзян И ухватил его за полу рубашки, от него пахло тяжелым перегаром, и слова сорвались с языка сами собой: — Разве я разрешал тебе уходить?

Цзян И скомкал в кулаке рубашку Чжао Миня, чуть приподнял подбородок, прижался к его шее и отчетливо, по словам, произнес:

— Маленький учитель Чжао.

Адамово яблоко Чжао Миня дернулось, он глубоко вздохнул.

Туманный взгляд Цзян И отражал лишь стоявшего перед ним человека, а голос звучал лениво:

— И что же за подарок ты мне приготовил?

Какой сильный запах алкоголя.

Чжао Минь замер и в ответ спросил:

— Где ты был?

— Клеил девчонок. — небрежно бросил Цзян И.

— Отпусти. — Чжао Минь уловил исходивший от Цзян И аромат духов.

— Чего командуешь? — недовольно протянул Цзян И. — Так что за подарок ты мне подарил?

Тон Чжао Миня был ледяным:

— Сборник «Пять лет на экзаменах, три года на пробниках».

— Чжао Минь! — Цзян И потянул его за рубашку, в его охрипшем голосе послышалась пьяная сладость, и он забормотал: — Чжао Минь, я хочу поступить в Чунцинский университет.

Движения Чжао Миня резко оборвались. Он ошеломленно обернулся, глядя в серьезные глаза Цзян И, и на мгновение погрузился в оцепенение.

Чунцинский университет.

Больше всего от Цзян И он слышал фразы вроде: да это мать заставляет меня остаться в стране, если не поступлю в «985», поеду в Америку.

Окружающие вечно считали, что Цзян И во всём зависит от родителей, но Чжао Минь знал: у Цзян И несравненный ум. И хотя вслух он говорил всякое о маме с папой, он непременно хотел сойти с проторенной родителями дорожки, и когда произносил это с беззаботным видом, в его словах сквозила дерзость, о которой он сам даже не подозревал.

— Чего тебе?

Придя в себя и встретившись взглядом с Цзян И, Чжао Минь ничего не стал спрашивать и лишь тихо ответил:

— Хорошо.

Взяв подарок, Цзян И не стал распаковывать его сразу и тихо промолвил:

— Меня бросили.

— ...Тебе нужна утешение? — Чжао Минь поднял глаза.

Цзян И посмотрел на невозмутимого Чжао Миня и насмешливо улыбнулся. Подперев голову одной рукой, он лениво протянул:

— Старший братик-аспирант, ты собираешься читать мне лекцию по лабораторным работам или по высшей математике?

Чжао Минь помедлил и серьезно произнес:

— Пойдем со мной.

Цзян И растерялся, но тем не менее послушно, словно под воздействием чар, последовал за Чжао Минем.

В эту ночь дул сильный ветер. В прошлые годы на рождественские праздники в Чунцине всегда выпадал снег, и весь горный город окутывался пеленой туманной белизны, но на сей раз снега не было.

Чжао Минь заботливо поправил на нем шарф.

Цзян И спрятал лицо в толстом шерстяном шарфе. Когда они проходили мимо чайной лавки, в воздухе поплыл аромат карамельной сладости. Он не выдержал и окликнул шедшего впереди человека: — Чжао Минь. — вырывающиеся при разговоре клубки пара затуманили очки.

— Что такое? — Чжао Минь остановился.

— Ты... — Цзян И никак не мог подобрать слова и в конце концов невнятно выдавил: — Давай я угощу тебя чаем с молоком.

Чжао Минь всё понял без слов. Стоя у прилавка, он произнес:

— Одну...

— Чай с молоком и торт-пирожным! — опередил его Цзян И.

Приняв обжигающий стакан с чаем, Цзян И вдруг вспомнил, что зарплата Чжао Миня в научно-исследовательском институте составляла всего две тысячи юаней, да в университете, кажется, платили какое-то пособие в шестьсот юаней. Ему приходилось снимать жилье в этом городе, заниматься наукой, писать статьи, а вдобавок еще и ходить к нему готовить.

Сделав глоток чая с молоком, он тихо спросил:

— Чжао Минь, почему ты пришел в мой дом?

Чжао Минь остановился и ответил:

— Эту работу мне порекомендовал учитель Цинь, она же помогла выбрать квартиру — мне нечем отплатить ей за добро. Она просто хочет, чтобы ты лучше учился.

Сладкая кремовая масса застряла в горле, и Цзян И не смог вымолвить ни слова.

Неужели только ради его матери тот так заботился о нем?

Цзян И не стал допытываться дальше, откашлялся и спросил:

— Куда ты меня ведешь? В бар? В интернет-кафе? Или...

— Никуда из этого нельзя.

— ...

Дорога впереди становилась всё более знакомой.

Подняв глаза и глядя на ворота Чунцинского университета, Цзян И поинтересовался:

— Зачем ты привел меня в свой вуз?

Чжао Минь еще не успел ответить, как раздался окрик:

— Старший сокурсник!

Цзян И обернулся. Какой-то парень в роговой оправе и толстом пуховике, неуклюже переваливаясь, подбежал ближе и протянул ключи:

— Держи...

Чжао Минь взял ключи и сказал:

— Спасибо.

Младший сокурсник довольно усмехнулся, бросил, что идет на свидание с девушкой, и торопливо попрощался.

Было уже половина одиннадцатого вечера. На территории кампуса стояла тишина: помимо четверокурсников, готовившихся к выпускным экзаменам, здесь оставались лишь несчастные магистранты и аспиранты, спящие туда-сюда по университетскому городку.

Цзян И исподтишка разглядывал этот кампус. Не то чтобы он бывал здесь впервые — в конце концов, это было рабочее место Цинь Юэ, — но прийти сюда посреди ночи казалось чем-то необычным.

Проходя мимо студенческого общежития, они заметили под деревом несколько пар, самозабвенно целующихся.

Цзян И погрузился в задумчивость: каково это — целоваться? Почему они так крепко обнимают друг друга за талию?

— Не смотри туда. — голос Чжао Миня прервал его мысли.

— И это ты мне запрещаешь?

— Детям нельзя учиться дурному.

Цзян И упрямо возразил:

— Я не ребенок, мне восемнадцать, и я вообще-то собираюсь...

Чжао Минь резко обернулся и, нахмурившись, оборвал его:

— Нельзя. Некоторые вещи до свадьбы делать запрещено.

— ...

Какие вещи? До свадьбы нельзя?

...Интимные отношения?

В какое время они вообще живут, почему Чжао Минь такой старомодный?

Придя в себя, Цзян И продолжил путь следом за ним и спросил:

— А ты сам целовал кого-нибудь?

— Нет, я никогда не состоял в романтических отношениях.

— Если не состоял в отношениях, почему нельзя целоваться? — хотя сам он состоял в отношениях, у него почему-то не возникало импульса целовать Тан Жуйжуй.

— Цзян И. — Чжао Минь окончательно остановился, и его тон стал суровым: — К подобным вещам нельзя относиться легкомысленно.

— Ой. — равнодушно отозвался Цзян И.

В мгновение ока Чжао Минь привел его к зданию лаборатории.

— Ты ведь не собираешься и вправду читать мне лекцию по экспериментам?

Ничего не отведя, Чжао Минь повел Цзян И по лестнице вверх и тихо предупредил:

— Держись подальше от оборудования, не трогай реактивы без разбору.

Цзян И скривился:

— Какой же ты занудный.

— Чай с молоком проносить внутрь запрещено.

— ...

В конце концов Цзян И все же вошел следом. Дверь лаборатории отворилась.

Чжао Минь облачился в белый халат и надел резиновые перчатки. Его длинные пальцы оказались стянуты латексом, и от этого зрелища Цзян И на мгновение потерял дар речи.

Он никак не ожидал, что в лабораторном халате Чжао Минь будет выглядеть настолько... сексуально.

— Что ты делаешь? — спросил Цзян И.

Чжао Минь взял мензурку, его взгляд был спокоен и сосредоточен.

— Раз уж в Чунцине сегодня не пошел снег, — тихо проговорил он.

Жидкость в мензурке вступила в какую-то химическую реакцию — стремительную, бурно расширяющуюся и хаотичную.

— Я устрою снегопад для тебя.

<http://bllate.org/book/25813/3085177>